

Ничего святого

Автор:

Борис Акунин

Ничего святого

Борис Акунин

Смерть на брудершафт #8

Восьмая фильма «Ничего святого», рассказывает о покушении на жизнь
российского императора.

Борис Акунин

Ничего святого

Адскій замысль германцевъ

Оператор г-нъ И. САКУРОВЪ

Демонстрація сопровождается монархическіми песнями сочиненія тапёра г-на
Б. АКУНИНА

Цирлихи-манирлихи закончились

Петроградская окраина, ноябрь 1916

Во дворе мертвого двухэтажного дома, где с начала войны никто не жил, блестели поднятыми кожухами две пролетки, крепкие лошади потряхивали ушами под нудной холодной моросью. Несколько мужчин стояли кружком, обступив военного в фуражке, укрытой от дождя клеенчатым чехлом. Всякий офицер знает, что этот гордый головной убор, один раз раскиснув, никогда уже не восстановит орлиной посадки, станет слегка обвисать, будто дряблое штатское кепи. Мокрый же френч поручику Романову был нипочем. Ни сырости, ни холода Алексей не замечал. Перед серьезным делом ему всегда было жарко.

И сотрудников для операций, чреватых пиф-пафом, он подбирал по тому же принципу. Тех, кто перед лицом опасности начинает зябнуть, переводил на менее нервную работу: документы обрабатывать, заниматься расшифровкой, максимум – в наружное наблюдение.

Но сегодня люди были как на подбор, из числа не дрожащих, а потеющих. За исключением новенького, который весь трясся, но это, может быть, оттого что в первый раз. К новенькому еще нужно было приглядеться.

– Всем внимание, – очень тихо начал поручик.

К нему придвинулись плотней. Смотрели напряженно и сосредоточенно – как выражался подполковник Козловский, сугубо. Поручик Романов нарочно ввел себе в привычку с подчиненными праздной болтовни не разводить, даже в спокойной обстановке. Люди должны знать, что начальство попусту языком не чешет, и ловить всякое сказанное слово.

– Что кому делать и чего не делать, я объяснил каждому на личном инструктаже. Сейчас хочу прибавить только одно. Важность задачи вам известна. Добудем книжку – считайте, сражение выиграла. Провалим – месяц работы всего управления псу под хвост.

С начала осени Алексей служил в Петрограде, перевелся сюда вслед за князем Козловским. После впечатляющих успехов летней кампании подполковнику вышло повышение – он возглавил контрразведку столичного округа. В любой иной военной специальности попасть из фронтовой мясорубки в глубокий тыл почиталось бы за счастье, избавление от сонма опасностей. Но не в контрразведке. Во всяком случае не в питерской.

Это сухопутные армии сражаются на передовой, а битва контрразведки с самой опасной из вражеских разведок, стратегической, разворачивается прежде всего в столице и в Ставке верховного – там, где хранятся главные секреты, где принимаются главные решения. Лучших профессионалов, ударные ресурсы, львиную долю затрат немецкий Абтайлунг-3 «Б» бросал отнюдь не на прифронтовой шпионаж, а на поддержание и развитие сети агентов, действующей в Питере.

Чем глубже увязала Германия в нескончаемой борьбе с Востоком и Западом, чем больше крови теряли ее стальные дивизии, тем активней становилась работа немецких шпионов в Петрограде. Расчет у кайзеровских стратегов был правильный: бить туда, где у врага уязвимое место. А оно было известно и без разведдонесений. Империя пребывала в тяжелом кризисе, империя болела. И самым слабым ее органом, увы, являлась голова. Она и всегда-то была не семи пядей во лбу, а от длительной войны неглубокие ее извилины совсем перепутались, перестали как следует управлять гигантским телом государства.

Авторитет царской власти и правительства пал ниже некуда. Страна с болезненным удовольствием смаковала сплетни о царице и Старце, о тотальном засилии немецкой партии, о «Николашкином» пьянстве. И хоть всё было неправдой, люди охотно верили, потому что жизнь с каждым днем делалась всё тяжелей, а воевать становилось всё невозможней. Полстраны голодало, армия сидела без патронов и снарядов. И не оттого что продовольствия и снаряжения мало, а потому что транспортный коллапс. Умные люди предсказывали: вот застрянут где-нибудь в заторе поезда с зерном, останется столица на денек-другой без хлеба, и тогда грянет. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Но грянет обязательно. И слава Богу.

Самое страшное тут вот что: про «слава Богу» не революционеры говорили, те-то все были давно переловлены или пережидали в Швейцарии. Самые обычные граждане твердили, что долго это продолжаться не может. Устала Россия, обессилела от кровотечения. И конца испытаниям было не видно.

Вот шпионы и пользовались сумбуром. В их агентурной сети помимо обычных, для разведки традиционных, имелся специальный отдел слухов, и отдел транспортных диверсий, и даже забастовочный отдел – мутить рабочих на оборонных заводах.

Но, как любил в последнее время повторять князь Козловский:

«Правительственный кризис – не нашего ума дело, а вот что касается шпионажа – тут уж, Лешенька, мое хозяйство, с меня и спрос».

Контрразведка что ж? Свое дело исполняла исправно, спасибо учителям-немцам, третий год экзаменуют. Кто из сотрудников оказался к учебе неспособен, тот давно на том свете либо выпровожен с ответственной службы за непригодность. А кто остался, свой хлеб ел не даром.

Поручик Романов, например, весь последний месяц разрабатывал операцию под кодовым названием «Любимая книжка». Из-за обширности и разветвленности своей сети немцы были вынуждены использовать самую простую систему шифровки – так называемую «книжную». Это когда у агентов имеется одна и та же книга, а послание кодируется посредством трехчисленных групп: номер страницы, номер строки и номер буквы. Хотя способ этот и примитивен, но затруднителен для дешифровки, а кроме того обладает важным достоинством – освоить такую тайнопись может любой грамотный человек, даже если у него нет специальной подготовки.

Уязвимость «книжного шифра» тоже очевидна. Если у подозреваемых лиц при аресте или тайном обыске обнаруживают книгу, уже известную контрразведке, это становится верной уликой. Поэтому всякое печатное издание, найденное у предполагаемого шпиона, обязательно вносится в особый список, который циркулярно распространяется по всем отделениям.

Резидентура уменьшает степень риска, меняя условленный текст не реже одного раза в месяц, и этой предосторожности до сих пор оказывалось достаточно. Стоило кому-то из коллег Алексея установить заветную книгу, а у немцев уже запущена следующая. Максимум, чего удавалось достичь, – задним числом расшифровать записки, перехваченные ранее. Но «книжный код» для сообщений особой важности не используется, имена и адреса им передавать запрещено, поэтому пользы от запоздалого чтения депеш получалось немного.

И всё же необходимость регулярного распространения среди агентов новой книги являлась ахиллесовой пятой немецкого орднунга. Романов сразу это сообразил и подготовил операцию, получившую одобрение начальства и необходимую организационную поддержку.

Цель: выявить новый код в самом начале его запуска. Задача-максимум: взять резидента всей питерской сети. Это было бы ого-го, такого успеха за всю войну еще не бывало. Но даже если не получится выйти по цепочке на дирижера шпионского оркестра, раннее раскрытие кода сулило две, три, а при осторожной работе и четыре недели спокойного чтения всех перехваченных писем. Так что выполнение задачи-минимум тоже гарантировало контрразведке массу удовольствий.

Способ, предложенный поручиком, был очень прост. Как только удалось установить ныне действующий код (роман госпожи Чарской «Записки сиротки»), агенты, которые производили негласный обыск на квартире подозреваемого, нарочно наследили в книжке – оставили отпечаток жирного пальца. При этом самого шпиона не тронули. Он, естественно, запаниковал, сообщил по эстафете, что шифр «засвечен».

Теперь оставалось только ждать, когда несколькими выявленным, но специально оставленным на свободе агентам передадут новое литературное произведение. Один из этих изменников ростом, статью и даже лицом был похож на очень толкового сотрудника из управления. На этом обстоятельстве Романов и выстроил план своей операции. Вольноопределяющегося Колбасникова подгримировали, приклеили нужной формы усы, на лоб надвинули шляпу – и отрядили на конспиративное рандеву.

– Стоите в назначенном месте. Трость держите под мышкой, белым набалдашником вперед. Можно немножко пройтись туда-сюда. К вам подходят, подают условленный знак, задают какой-то вопрос. Дело не в вопросе, дело в знаке. Вы должны ответить...

– «Душой, а еще более телом», – кивнул Колбасников. – Да помню я всё, Алексей Парисович. Интересно только, что за вопрос может быть с таким отзывом?

Романов не сомневался, что вольноопределяющийся всё помнит. Парень опытный, находчивый, развитый, из студентов-технологов. Но чересчур азартный. Поэтому повторить еще раз было невредно.

– Потом что?

– Как только он передаст книжку, я подаю сигнал, вот так. – Колбасников качнул тростью. Фарфоровый набалдашник было отлично видно издалека даже в темноте – проверяли. – И берем голубчика.

– Без вас! – Алексей погрозил ему пальцем. – Не вздумайте проявлять инициативу. Прощаетесь, поворачиваетесь, уходите. Заполучили книжку – всё, ваше задание исполнено. Братъ связного будет группа Сливы. Это ясно? Не слышу!

– Так точно, ясно, – вздохнул Колбасников. – Вечно самое интересное достается «волкодавам».

Сам он числился «таксой» и «волкодавам» завидовал, хотя хорошая «такса» ценится выше. Это Козловский с Романовым придумали классифицировать сотрудников контрразведки по собачьим породам. «Волкодавы» – те, кто хорош при задержании особо опасных шпионов. «Такса» – пес норный, незаменим для проникновения в хитроумные лисьи убежища. Еще были «легавые» – агенты с отменным нюхом. «Борзые» – для погонь. «Пинчеры» – это универсалы, которые могут всё понемногу и очень удобны для переброски с задания на задание, но ни в одной области настоящими асами не являются. Идеальный начальник в контршпионажном деле должен быть «бульмастифом»: чтоб невозмутимо и флегматично, свесив брыли, лежал на ковре, пялился большими, как блюдца, глазами в огонь камина, излучал уверенность и спокойствие, а чуть что – бесшумно вскакивал и брал зубищами за горло. Таким шефом был генерал Жуковский, но он ныне в опале, отправлен на фронт командовать пехотной дивизией. Такая потеря! Мало ли генералов, кому можно дать дивизию, а в контрразведке второго Жуковского взять неоткуда.

Подполковник Козловский собственные способности оценивал невысоко: «пинчер», причем не первого класса. Надо еще сказать, что каждая из пород подразделялась на разряды, о чем самому агенту, естественно, не сообщалось – зачем подрезать человеку крылья? Поручик Романов, в отличие от князя, скромностью не отличался и свои таланты оценивал высоко: «такса» первого класса, «волкодав» второго, но приближающегося к первому, а еще «сеттер», причем первостатейный, и это качество ценил в себе выше всего. Сеттер – собака с очень быстрой реакцией, моментально ориентирующаяся в любой ситуации.

Ну а шпионов, в зависимости от ловкости и размера когтей, в петроградском управлении контрразведки калибровали по видам семейства кошачьих: от льва до драной кошки.

На финальный этап операции «Любимая книжка» поручик взял с собой семь человек. «Таксу» первого класса Колесникова, чтоб вывел на лису. «Волкодава» первого класса Сливу, от которого еще никто не уходил. В пару к унтер-офицеру Сливе – «пинчера» второго класса Кузина, потому что давно вместе служат, понимают друг дружку без слов. Обоих Алексей перетащил в столицу из контрразведки Юго-Западного фронта. Далее – «пинчер» Лапченко, невысокого третьего разряда, зато превосходно видящий в темноте. Обычно его использовали для статичной ночной слежки, а сегодня ему отводилась ключевая роль наблюдателя. Именно Лапченко должен был следить за белым набалдашником. Двое «борзых» были наряжены извозчиками – на случай погони поручик взял в транспортном отделе две пролетки из самых быстрых (автомобиль на этой глухой окраине мог привлечь ненужное внимание). А еще к группе был приписан беспородный щенок по фамилии Печкин, от которого требовалось только одно: глядеть в оба и не соваться. Князь Козловский, педагог, придумал нововведение – на всякое важное дело брать как минимум одного стажера, потому что с кадрами проблема и надо готовить смену.

– А если он книжку не передаст? – продолжал Алексей экзаменовать «таксу».

– Действую по обстановке, – бодро ответил Колбасников и поежился под бешеным взглядом начальника. – Виноват... Если связной ничего не передает, я роняю трость на землю. Связного не трогаю. Извините, Алексей Парисович. Про «обстановку» само выскочило.

Он даже в лице изменился – перепугался, что поручик заменит его на кого-нибудь другого. Романова сотрудники уважали, но не любили, считали сухарем, от которого доброго слова и тем более послабления не жди. Из тех, кто знал Алешу совсем другим человеком, в управлении остались только Козловский да, пожалуй, еще Слива с Кузиным. Но и они уже вряд ли помнили, что когда-то он был светел, улыбчив, а в минуту отдыха часто напевал что-нибудь волшебномедовым баритоном. Изменился Алексей Романов. И внутренне еще больше, чем внешне.

– Ну, пошел потихоньку, – сказал вольноопределяющемуся поручик. Обращение на «ты» в минуту опасности – наибольшая сердечность, на какую он теперь был способен.

Колбасников оценил.

– А век plezier.

Приподнял котелок, трость под мышку и танцующей походочкой через подворотню туда, откуда сочился тусклый свет газового фонаря.

Оставалась еще минута, а потом и остальным будет пора по местам. Алексей оглядел угрюмые постройки, сомкнувшиеся буквой П. Место хорошее, удобное. Фабричка по производству бумажных манишек, в военное время прогоревшая из-за отсутствия спроса – большинство копеечных щеголей отправились на фронт.

– Вы двое здесь. Сигналы помните?

– Так точно, ваше благородие, – хором ответили «борзые».

– Вы – за мной, – махнул поручик наблюдателю и стажеру. – Что дрожишь? Как тебя, забыл?

– Печкин он, – подсказал Лапченко, покровительственно положив парню руку на плечо: не робей. – Первый день воюет. Ничего, Алексей Парисыч, приобькнется.

На «волкодавов» Романов только глянул. Сливе ничего повторять не нужно – только обидится, он самолюбив.

– Всё. Разошлись.

Слива с Кузиным перебежали через улицу – на той стороне был пустой сарай с неплохим обзором. Сам Алексей в сопровождении глазастого Лапченко и поикивающего от волнения Печкина поднялся на второй этаж.

Высокое пыльное окно бывшего машинного цеха позволяло отлично видеть перекресток, где назначена встреча.

«Такса» уже прогуливалась под единственным фонарем. Убедительно прогуливалась, качественно. То изобразит подозрительность, начнет озираться. То, наоборот, явит беззаботность – вроде бы кавалер подружку поджидает. Именно так вел бы себя второразрядный шпион, явившийся на randevу с посланником резидента. Вполне вероятно, что связной пришел раньше назначенного часа и сейчас ведет наблюдение, так что Колбасников актерствовал не зря, молодец.

Припав к биноклю, Романов осмотрел окна и подворотни домов, выходящих на перекресток. Свет нигде не горел. Рабочие и мелкие ремесленники, населяющие этот убогий квартал, ложатся рано. На улице ни души, кроме одинокого бонвивана под фонарем.

До часу ночи оставалось еще семь минут.

– Проверь-ка, на месте Слива? – велел Алексей. Можно было говорить и нормальным голосом, но от напряжения получилось шепотом.

Лапченко поднял специальную лампу с защитными крылышками, два раза мигнул. В чердачном окне откликнулся крошечный огонек.

– Слива да чтоб не на месте? Все бы вам шутить, Алексей Парисыч. – Наблюдатель усмехнулся, рисуясь перед новичком задушевыми отношениями с начальством. И вдруг непочтительно схватил офицера за плечо. – Смотрите, обернулся!

Фигура с тросточкой действительно развернулась в сторону улочки, что вела к заливу.

«Ноль пятьдесят восемь», – посмотрел на часы, для рапорта, Алексей. На две минуты раньше. Не похоже на гансов. Обычно они опаздывают, из осторожности.

Из-за угла (теперь было видно и с наблюдательного пункта) разболтанной походочкой вышла девица очевидной профессии – в коротком полупальто и горжетке. Романов вжался в бинокль. Лица было не видно – только что во рту папироса. На локте посверкивающий – не то бисерный, не то стеклярусный ридикюль.

– Принесло шалаву! Ишь, облизывается, – пробормотал Лапченко, тоже не отрываясь от бинокля. Окуляры у него были такие же, но разглядел зоркий агент больше, чем поручик. – Ну-ка, Колбасников, шугани ее, носастую. Вот зараза, привязалась! Все дело испортит!

Под фонарем

Миша Колбасников сразу определил, что в крошечной сумочке гулящей не поместится никакая бумажная продукция, кроме разве шпаргалки, – в свое время он был мастер изготовлять миниатюрные тетрадошки, в которые помещалась вся премудрость неорганической и органической химии. Ну и вообще, разве свяжется солидная разведка с вульгарной девкой, от которой за десять шагов несет дешевым одеколоном? Тут не в нравственности и не в брезгливости дело, а просто напьется, курва, или накакаинится и разболтает первому встречному все шпионские тайны.

– Иди, милая, иди. Я барышню жду, – сказал Миша и для наглядности помахал рукой: мимо топай, мимо.

Ночная птица остановилась. Из-под чудовищно начерченных ресниц на Колбасникова таращились ярко сияющие глаза. Длинный нос напоминал клюв. Кожа у непотребной женщины была то ли очень белая, то ли густо напудренная. Жирно на помаженные губы раздвинулись, выпустили струйку дыма. Язык проворно слизнул прилипшую табачную крошку.

Будто приняв какое-то решение, проститутка приблизилась к Мише вплотную. Он поморщился. Мылась она, что ли, «Сладким ландышем» по двугривенному пузырьку?

– А может, не придет твоя барышня? – хрипло спросила наглая баба, шаря глазами по сторонам. Шлепнула Колбасникова по плечу. – Ты тут, котик, не замерз? Может, обогреться желаешь?.. Что язык проглотил?

Язык Миша проглотил оттого, что прикосновение к правому плечу в сочетании с вопросом, к которому подошел бы отзыв, было условным знаком. Значит, все-

таки связной. То есть связная.

Чуть вздрогнув (это было нормально, шпион тоже бы вздрогнул), Колбасников ответил:

- Ж-желаю. Душой, а еще более телом.

И как бы в некоторой нервозности сдвинул на затылок шляпу.

Наблюдатели тоже вздрогнули!

Романов и Лапченко напряженно смотрели в свои бинокли и заметили, что непроизвольно прижимаются друг к другу, только когда у обоих одновременно дрогнули локти.

- Контакт! - процедил поручик.

Сдвинув котелок на затылок, «такса» подала сигнал, что контакт состоялся.

- Лапченко, следи только за набалдашником, понял? Больше ни на что не отвлекайся!

- Слушаю, Алексей Парисыч... Печкин, не наваливайся! Мешаешь!

Где ж у нее книга? Наверное, под пальто.

Ряженая шпионка (ясно, что настоящую уличную немцы использовать не будут) что-то говорила Колбасникову. Он то кивал, то качал головой. Очень хотелось надеяться, что у хитрых гансов не предусмотрены какие-нибудь дополнительные, контрольные вопросы. Если связная начнет уходить, не осуществив передачи, придется ее брать и обыскивать. Хотя, конечно, в этом случае операцию можно считать неудавшейся. Разве что получится с разлета, пока арестованная не опомнилась от страха, вытрясти следующее звено цепочки. Наводить страх Романов в последнее время научился недурно.

– Ишь, свезло вольноперу, – фыркнул Лапченко. – Страстная особа.

Женщина обняла одной рукой Колбасникова, прижала к себе, поцеловала.

Набалдашник трости, которую агент нарочно держал за спиной, на виду, наконец дрогнул. Очевидно, код был передан в момент поцелуя.

Но одновременно с движением трости прозвучал странный глухой звук. «Проститутка» отпрянула от «таксы» и быстро, быстро прошла прочь от фонаря.

Белая точка набалдашника качалась всё сильнее, что уже было не похоже на сигнал. В следующую секунду Колбасников повалился на спину, а женщина перешла на бег. В ночной тиши по булыжнику застучали окованные каблуки.

– Мать...

Поперхнувшись бранью, Романов бросился к лестнице. Лапченко и новенький грохотали за ним по ступеням.

На улицу вылетели разом с двух сторон: слева поручик с наблюдателем и стажером, справа Слива с Кузиным. Не тратя времени на разговоры (и так ясно – случилась беда), помчались на перекресток.

Алексей оказался подле Колбасникова первым. Тот хлопал ресницами, но глаза уже закатились под лоб. Пиджак слева на груди был прожжен выстрелом в упор.

– Что? – крикнул Слива. И, увидев, что у товарища прострелено сердце, только крякнул.

Возле поручика и умирающего он задержался самое большее на полсекунды и понесся дальше – огромными прыжками, будто натуральный волкодав, настигающий жертву.

«Контрольный вопрос, ясно. Эх, Миша. Не упустить тварь!» Три короткие мысли – анализ, эмоция, вывод – промелькнули в мозгу Романова, пока он поднимался с корточек.

Тоже побежал – сначала не очень быстро, потому что нужно было отстегнуть портупею и скинуть шинель. Зато потом легко обогнал всех кроме Сливы.

Врет, не уйдет!

Тварь, хладнокровно убившая Мишу Колбасникова, успела оторваться шагов на сто и, если б не слабый свет фонарей, уже затерялась бы во тьме. Но женщине, даже самой быстроногой, от натасканных на погоню мужчин не убежать – конституция не способствует и юбка мешает. Несколько раз малокалиберный дамский пистолет сухо кашлянул из мрака красными брызгами, но неопасный с такого расстояния огонь преследователей не испугал и не задержал, только помог сократить расстояние.

Кричать Сливе, чтоб не стрелял, было незачем – сам знает. Сейчас Алексей боялся лишь одного: не нырнула бы, гадина, в какую-нибудь заранее присмотренную щель, а оттуда в путаные дворы или соседние переулки. Но беглянка почему-то не сделала этого. Домчалась до угла, повернула. И тут стало ясно, на что она рассчитывала. Щелкнул кнут, всхрапнули кони, лязгнули колеса. За поворотом связную поджидал экипаж!

Еще не видя, кто там и что, поручик, свистнув в пальцы особым образом, – подал команду «борзым». Ко мне! Будет гонка!

Выскочив за угол, наткнулся на Сливу. Тот уже не бежал, а стоял на месте, потому что на своих двоих коляску все равно не догонишь. Целил с локтя. Однако не выстрелил.

– Кучер встояка. Коняшек заслонил.

Романов и сам видел, что пролеткой правит кто-то широкоплечий, размахисто взмахивающий кнутом. Раз Слива не стал стрелять, значит, рассчитывает взять и связную, и кучера.

И то сказать, дорога вдоль залива тянулась версты на три, и сворачивать с нее было некуда, а коней в контрразведке держали заводских, аховых.

– Врет, не уйдет! – спокойно резюмировал унтер.

А тут с гиканьем, с грохотом вылетела из-за угла первая коляска: облегченная конструкция, резиновые шины, у орловских рысаков ноздри выворочены, гривы вразлет. «Борзой» первого класса Грайворона вожжей не придержал, знал, что начальник с «волкодавом» и на полном ходу впрыгнут, не промахнутся. Остальные агенты, помня инструкцию, в переднюю коляску не сели, набились во вторую, отстававшую всего на два лошадиных корпуса.

И только ветер засвистал в ушах

И только ветер засвистал в ушах у Алексея, вцепившегося в бортик.

– Сядь, вашбродь! Скорость гасишь! – рявкнул Грайворона.

В обычном состоянии он был сотрудник тихий, дисциплинированный, но во время погони впадал в раж, мог и кнутом ожечь. Романов не обиделся, сел. «Борзого» в таком деле следовало слушаться. Слива вообще на дне съежился – чтоб сопротивление воздуха уменьшить, а заодно и под пулю не угодить.

Едва стало ясно, что расстояние между беглецами и преследователями сокращается, как спереди, из серой мути начали бить уже не в один, а в два ствола. Причем у кучера оружие было серьезное. Судя по звуку, 96-ой «маузер». И пули напарник «гулящей» клал профессионально. Первая высекла искры из поручня, вторая вырвала у коренника клочок гривы.

– Лошадей завалит, гад! – крикнул Грайворона.

– Где у тебя карабин?

Но Слива уже совал поручику выдернутый из чехла «винчестер». По меткости у Романова в группе равных не было.

– Вбок возьми! – велел поручик.

Он собирался уложить пристяжную. Та очень кстати выгибала шею, к тому же была светлой масти – башка неплохо контрастировала с чернотой ночи.

«Маузер» успел пальнуть еще дважды. Вжикнуло хоть и близко, но мимо.

Хороший выстрел требует, во-первых, спокойствия. Нельзя думать о том, что враг может попасть раньше. Во-вторых, когда ведешь огонь с движущегося транспортного средства, стань его частью. В-третьих, если мишень тоже перемещается, возьми правильное опережение. Вот и вся наука.

Приклад на отдаче ткнулся в плечо, и Романов безошибочным чутьем понял, что выстрел удался, хотя пристяжная шпионской пролетки еще секунду или две по инерции перебирала ногами. Потом сразу кувыркнулась вниз простреленной головой. Коляску проволокло по грунту, перевернуло, кинуло с обочины.

– Не убились? – с тревогой выдохнул Слива, готовясь выпрыгнуть.

– Типун тебе на язык!

Что ж, заполучить код по-тихому не удалось. Значит, большого успеха не вышло. Но не все потеряно. Идеально было бы, если б оба вражеских агента оказались живы, но оглушены падением. Тогда можно взять сразу двоих – вдвое больше шансов, что кто-то из них разговорится. Глядишь, ниточка и потянется.

На захвате Слива, «волкодав» высшего разряда, стоил двух поручиков Романовых, поэтому Алексей вперед не совался.

Унтер огромным прыжком сиганул под откос, еще в полете нажав кнопку электрического фонаря. В цирке бы ему, ловкачу, выступать. И, главное, лучом безошибочно нащупал того, кого надо было осветить: кучера. «Проститутка»-то лежала смирно, не двигалась, а вот бородач, так лихо нахлестывавший лошадей, чувств не лишился и даже пистолета из руки не выпустил.

– Бере...! – крикнул Алексей, да поздно.

Вспышка ударила прямо в грудь Сливе, когда тот едва коснулся ногами земли. Мгновение спустя выстрелил и Романов, целя в руку с «маузером». Вопль боли свидетельствовал, что пуля была потрачена не впустую. С разбегу налетел «пинчер» Кузин, опрокинул бородатого, завернул ему за спину нераненую руку и доложил:

- Брыкается!

- Ломай! - коротко приказал Романов.

Кузин вывернул руку еще больше. Хрустнула кость. Шпион взвыл. Теперь о нем, обезрученном, можно было не беспокоиться.

- Что эта? - спросил Алексей у Лапченко, сидевшего верхом на женщине и уже защелкнувшего наручники.

- Порядок, ваше благородие.

Только после этого Алексей позволил себе склониться над Сливой. Пощупал пульс на шее. Отбегался отчаянный «волкодав», отпрыгался. Рано или поздно должен был сложить забубенную головушку - и судьбы не избежал. «Не худшая смерть», - прошептал Алексей сердито, чтоб не разнюниться. Сливу было ужасно жалко. И по-человечески, и как первосортного работника.

Поднимаясь, Романов увидел новенького. Тот последовал за всеми, но теперь не знал, что ему делать, и в панике смотрел на убитого.

- Не трясись, Печкин. Лучше помоги Лапченке мамзель обшарить. Тебе это будет интересно.

Воюя с душевной слабостью, поручик нарочно сказал это как можно грубее.

Проклятый день! Два лучших сотрудника! Но поминать их будем после. Сейчас нужно озаботиться, чтобы гибель Сливы и Колбасникова была не напрасной.

- Нашли? - спросил он у Лапченко.

– Никак нет, ваше благородие. В сумочке одни бабьи глупости. Сейчас тело догляжу. Подвинься, Печкин.

– Коляску осмотреть! – крикнул Алексей наверх, «борзым». – Что искать, знаете!

Женщина очнулась, зашипела на агентов, которые бесцеремонно ощупывали ее сверху донизу:

– Уберите лапы, хамы! Обыскивать женщину должна женщина!

Не обращая на нее внимания, Лапченко покачал головой: кода не было.

Через полминуты от перевернутой коляски доложил Грайворона:

– Нету!

Ладно, переходим к пальпированию.

Пуча глаза в имитации бешенства (сильно прикидываться не пришлось), Романов замахнулся на шпионку рукояткой револьвера:

– Где коды? Отвечай, мразь!

Та не сжалась, не отпрянула, а напротив, распрямила плечи и выставила вперед подбородок.

– Не смейте мне тыкать! Я не проститутка, я германская разведчица!

С характером дамочка.

– Гадюка! – всхлипнул Алексей. – Я тебя за Мишу Колбасникова...

Снова замахнулся, но не ударил – вроде как рука задрожала.

«Гулящая», видя такую чувствительность, осмелела еще больше:

– Вы офицер. Вы не ударите даму.

И тут, когда она слегка расслабилась, Романов ей вмазал – прямо по упрямому подбородку, ручкой «кольта», наотмашь. Женщина завизжала, забилась, выплевывая зубы и сгустки крови.

Пронзительно вскрикнул и отшатнулся Печкин.

– Ошибка номер один, – сказал поручик с ледяным спокойствием, будто только что не истерил. Навел дуло на бородача, который, насупясь, наблюдал, как допрашивают напарницу. – Теперь тебя спрашиваю. Где коды? Не скажешь – бить не буду. Просто убью.

Ну, «кучер» был крепкий орешек, об такой зубы сломаешь. По кошачьей иерархии – тигрище первого разряда. Вероятно, непосредственный шеф размалеванной бабы.

– Так-таки убьете? – усмехнулся он. – Арестованного шпиона? От которого может быть ход к резиденту? Ой, не верю.

Что-то в этом роде Алексей и рассчитывал услышать. Приставил дуло бородачу ко лбу. Пару секунд подождал. Тот, молодец, не отодвинулся, не сморгнул. Даже подмигнул, нагло.

От выстрела сорок пятого калибра у шпиона снесло весь верх черепа. Стоявший сбоку Кузин вытер лицо, забрызганное мозгом и кровью, да только носом шмыгнул. Зато шпионка и новенький оба заорали, один пронзительней другого.

Некоторое время Романов стоял, глядя на мертвое тело, и прислушивался к себе. Не дрогнет ли внутри что-нибудь? Хоть бы что. Только секундомер работал: нужно было, чтобы баба из первого шока вышла, а в ступор впасть не успела, не то потом из нее черта с два что выжмешь.

Каких-нибудь полгода назад Алеша ни за что вот так, хладнокровно, в упор, не выстрелил бы в живого человека. Ведь его рожали, воспитывали, растили, и семья, возможно, есть, кто-то его, наверное, любит, кто-то ждет. Как это – взять и уничтожить целую вселенную? А запросто. Спустил курок, и одной вражеской

вселенной стало меньше. Бородач знал, на что шел. Война – не забава.

Пора!

– Это была ошибка номер два. – Медленно повернувшись, Романов навел еще дымящееся дуло прямо в переносицу шпионке. – Где новая книжка? Ну, дура, смотри не сделай ошибки номер три.

Печкин, бедняга, зажмурился. Не хочет видеть, как еще один череп разлетится на куски.

– Это не книга! – прошепелявила «проститутка», скосив глаза в черную дырку. – Книг больше не будет! Прислали коробочку с реактивами. Для проявки тайных сообщений.

Значит, немцы наконец отказались от системы книжной шифровки? Интересно.

– Пускай коробочка. Где она?

– Отто выбросил. Когда падали. Туда куда-то. Я найду!

И с готовностью поползла на четвереньках в темноту, опираясь о землю локтями скованных рук.

«Кошка дворовая», определил породу шпионки Алексей. Не третьего разряда, а второго или даже первого – бедного Колбасникова застрелила ловко. А в общем, мелюзга. Прочной нитки от нее не потянется. Наверняка кроме покойного *Barbe Bleu*[1 - Синяя Борода (фр.).] никого не знает. Впрочем, пощупаем.

– Посветите ей, ребята.

– Есть, нашла! Видите, я сказала правду!

В маленькой стальной коробке блестели, проложенные ватой, три пузырька: один побольше, с прозрачной жидкостью, и два маленьких, в одной что-то беловатое, в другой желтоватое.

– И как пользоваться этим набором юного химика? – спросил поручик.

– Я не знаю. Я должна была проверить человека, задав ему три контрольных вопроса. Если всё нормально – отвести к пролетке. Отто сам инструктировал агентов, тет-а-тет. Ну а если что-то не так...

Судорожный всхлип. Не договорила.

– В коляску ее, – велел Романов. – И этого с ней рядом. За компанию. А Сливу мы с Кузиным сами отнесем.

Только теперь Кузин позволил себе заплакать. Они со Сливой были не разлей вода.

Можно было подводить предварительные итоги.

Операция очень тяжелая, с невосполнимыми потерями. Но успешная. Раскрыта принципиально новая германская система тайнописи. Или почти раскрыта. Еще придется покумекать, как пользоваться этими бутылочками.

Лапченко сказал Печкину, который помогал тащить Бородача:

– Гляди, не сболтни по дурусти. Этот застрелен при задержании, ясно?

Новичок кивнул, боязливо оглянулся на поручика.

Надо было поговорить с парнем. Для первого серьезного дела он вел себя неплохо. Не мешался под ногами, не отставал. А что оторопел – это нормально.

– Что, Печкин, жутко? – Алексей усмехнулся. – Привыкай. Ты первый день воюешь, а я третий год. Или мы их, или они нас, понял? Цирлихи-манирлихи закончились.

Не до сантиментов

В тысяче верст отсюда в этот миг говорили о том же...

В ту же самую минуту, но только в тысяче верст к западу от Петрограда и на другом языке были произнесены почти те же самые слова.

- Не до сантиментов. Победу нужно добыть как можно быстрее и любой ценой. Нация и рейх на пределе сил. Этот тезис вашей докладной записки, Теофельс, совершенно справедлив. Правы вы и в том, что Восточный фронт стал проблемой, которую решить одними военными средствами невозможно. Да, необходимы чрезвычайные меры...

Поскольку Монокль тут сделал паузу, Зепп счел возможным вставить:

- Благодарю, экселенц.

И покосился на молчаливого Уса, чтобы угадать дальнейшее. Старший из генералов не то чтоб не умел притворяться - просто считал ниже своего достоинства прикидываться перед малозначительными подчиненными. По насупленным седым бровям старика, по брюзгливо выпяченной нижней губе майор понял: отказано. Но зачем тогда вся эта помпа? Выдернуть занятого человека в Ставку, пред светлы очи сразу обоих начальников имперской разведки только для того, чтобы завернуть его проект? Можно было ответить бумажно. Или вообще не отвечать. Рисковал, перебирался через линию фронта - это бы ладно, дело привычное, но ведь еще пуговицы драил, в мундир влезал, побрякушки на грудь повесил. И всё попусту. Сейчас, после паузы, наверняка последует «но».

- Но... То, что вы предлагаете...

Генерал Монокль развел руками, посмотрел на шефа, как бы не находя нужного слова.

Граф в терминологии не затруднился.

– Сумасшествие! – отрезал он. – Ваша идея безумна! Вы предлагаете нам последовать примеру японской разведки, которая в девятьсот пятом помогла развязать в России революцию и тем самым ускорила заключение мира. Мы, Теофельс, живем не в Японии, за морями-океанами. Россия – вот она, рядом. Пустить в колодец к соседям, с которыми рассорился, бациллу чумы может только последний идиот.

Ус запыхтел от негодования, а Зепп мысленно повторил: «Благодарю, экселенц». За «идиота».

– Соседи, конечно, сдохнут, но зараза может просочиться к нам! Неужто вы этого не понимаете?

Фон Теофельс изобразил несколько удивленную задумчивость. «Какого все-таки черта вызвали, если я идиот? – думал он. – Старым пердунам нужно, чтоб я их поуговаривал. Хочется, да колетса».

Лет десять назад, еще резвым обер-лейтенантом, Зепп по собственной инициативе подружился с легендарным японским полковником Акаси, когда тот после своих российских свершений служил военным атташе в Германии. Про этого человека говорили, что он один стоил десятка дивизий, сражавшихся на полях Маньчжурии. Распоряжаясь секретным фондом в один миллион иен (для воюющей империи – пустяк, для разведчика – баснословная сумма), Акаси, находясь в Европе, не только наводнил вражескую страну агентами, но и натравил на русского медведя целую свору собак: боевиков, агитаторов, польских, финских и кавказских сепаратистов. Если б у царя Николая не загорелись штаны на заднице, черта с два запросил бы он у японцев перемирия. Токио был на последнем издыхании, хуже чем Германия в конце шестнадцатого года, а благодаря толково потраченному миллиону, вышел из тухлого дела победителем. Почему бы не воспользоваться приемом, который один раз уже отлично сработал?

Однако начальству излагать общеизвестные факты майор не стал. Предпочел взять быка за рога.

Вскочил со стула, вытянулся в струну. Когда говоришь высокому руководству дерзости, следует уравнивать резкость слов позой полной субординации.

– Я не понимаю другого, экселенц. Если мой план отвергнут, зачем было отрывать меня от работы? Каждое пересечение фронта – лишний риск и потеря времени.

Вот так чудо: генералы на неслыханную наглость не рассердились, а только переглянулись, и Зеппу даже показалось, что суровый граф прячет под усами улыбку. Интересно!

– Мы диагностируем ситуацию таким же образом, что и вы. Однако избрали другой метод лечения, – с удивительной мягкостью произнес Монокль. – Столь же эффективный, как революция во вражеском тылу, но не представляющий для нас опасности.

Ус изрек:

– Не эпидемия чумы, а хирургическая операция. – Улыбнулся уже в открытую, довольный метафорой. Кивнул помощнику. – Продолжайте.

Но Монокль больше ничего говорить не стал, он любил эффектность. Открыл какую-то пузатую папку (Зепп углядел там кроме машинописных страниц какие-то схемы, карты, фотографии), извлек оттуда обыкновенную почтовую открытку с портретом самодержца всероссийского в полевой форме.

Поглядел Теофельс на картинку, подумал немного – и поразился так, что забыл про выправку.

– Правильно ли я понял? – Он с недоверием перевел взгляд на одного начальника, потом на другого.

Вот тебе и старые пердуны!

Монокль иронически улыбнулся. Ус кивнул.

– Вы хотите устранить монарха, августейшую особу? – проговорил Зепп вслух невообразимое. На секунду задумался. – Но... что это даст? Правитель из Николая неважный, главнокомандующий – тем более.

– Если Николай умрет, на престол взойдет двенадцатилетний мальчик, а регентшей станет царица Александра. Она ненавидит нашего кайзера, но это несущественно. Существенно то, что царица подвержена внешним влияниям. Мы с вами один раз этим уже воспользовались – когда нужно было избавиться от генерала Жуковского.

Зепп понимающе наклонил голову:

– Старец?

– Да. Как мы с вами знаем, этим человеком можно манипулировать. К тому же сей пророк – искренний и убежденный противник войны. Он считает, что она приведет империю Романовых к гибели.

– Понимаю, экселенц. Думаю, в случае необходимости я мог бы восстановить свои отношения со Старцем.

«А идея-то недурна! – пронеслось в голове у Теофельса. – Царица – особа мистического склада, верит в видения, откровения, наития и прочую полезную белиберду. И „странный человек“ тоже не без придури. А видения мы организуем...»

Ход дальнейших мыслей прервало ворчание генерала Уса:

– Обойдемся без вас. Сегодня в окружении шарлатана наших людей более чем достаточно. Лучше скажите, как вам замысел?

– Он лучше моего, экселенц, – честно признал Зепп. – Проще в исполнении, дешевле, быстрее.

Честно говоря, майор был потрясен. Он не ждал от консервативного начальства такого кощунственного нарушения правил игры. Монархи не истребляют друг друга – во всяком случае, со времен средневековья. Видимо, дела у рейха еще

хуже, чем кажется на отдалении.

– Если вспомнить, скольких правящих монархов за последние двадцать лет отправили на тот свет... – начал Монокль, но в это время на столе зазвонил один из телефонов, стоявший особняком и украшенный императорским вензелем.

Граф, несмотря на почтенный возраст, проворно встал, прежде чем снять трубку. Вскочил и его заместитель. Сделав восторженную физиономию, майор прижал ладони ко швам.

О чем граф беседовал с его величеством, осталось неизвестно. Ус больше слушал, уста разомкнул всего четырежды: три раза сказал «так точно, ваше величество» и один раз, в конце, «будет исполнено ваше величество». При этом беседа длилась не меньше пяти минут, так что Теофельс даже соскучился и, не меняя благоговейной мины, принялся вспоминать, скольких же монархов укокошили за последнее двадцатилетие – и при каких обстоятельствах. Память на обстоятельства политических убийств и прочих исторических инцидентов, интересных с профессиональной точки зрения, у майора была отменная, а живое воображение помогло воссоздать каждую из картинок с кинематографической наглядностью.

Мечеть Шах-Абдул-Азим. 1896

Шах Насер ад-Дин, правивший Персией целых полвека, кладет земные поклоны в храме, выстроенном в память об одном из потомков Пророка.

Приближенные тоже творят молитву, но преклонили колени на почтительном расстоянии от монарха. Меж златотканых мундиров и парчовых халатов (видны лишь склоненные спины) медленно, зигзагами, движется простой черный кафтанкаба. Это какой-то богомолец, шепотом бормоча извинения и не поднимая головы, ползет на коленках вперед. Он старается не привлекать к себе внимания.

Это некий Мирза Реза Кермани, последователь Джамал ад-Дина Афгани, страстного проповедника панисламизма. Персидского шаха многие мусульмане

считают деспотом и английской марионеткой.

Царской охране в мечети делать нечего. Кому из правоверных придет в голову осквернить священное место кровопролитием, а того паче царубийством? На то у фанатика и расчет.

Протиснувшись в первый ряд, он взводит курок спрятанного под одеждой старого револьвера. Потом выяснится: оружие было в таком скверном состоянии, что, если бы выстрел был произведен с десяти метров, пуля не причинила бы вреда. Но Мирза Реза действует наверняка.

Дав шаху домолиться и подняться с колен, черный человек тоже вскакивает, с криком «Велик Аллах!» подбегает к владыке и трижды стреляет в упор. Через несколько месяцев, после пыток и суда, убийца будет повешен, очень довольный своим деянием и гарантированными райскими кущами.

Ломбардия, Монца. 1900

Славный июльский вечер. Маленький городок, расположенный в окрестностях Милана, ликует, радуясь визиту короля Умберто Первого. Король почтил присутствием торжественную церемонию в местном спортивном клубе и теперь едет в открытом экипаже мимо городского парка. Публика машет шляпами и платочками, король улыбается, кивает хорошеньким дамам. Монарх седоус, похож на добродушного дядюшку. У него и прозвище «Умберто Добрый».

Но не все считают короля добрым. Два года назад его солдаты расстреляли картечью в Милане безоружных манифестантов, и анархисты жаждут возмездия.

Охрана на сей раз имеется – в конце концов, на итальянского монарха было уже два покушения, но дело поставлено с характерной для минувшего столетия патриархальной неэффективностью: какие-то дурацкие всадники в касках с плюмажами, и всё. Телохранители не прикрывают коляску с флангов, хотя скорость движения вполне позволяет использовать эту элементарную меру предосторожности в людном месте.

Дальше всё очень примитивно. Из толпы выскакивает сосредоточенный брюнет с большими усами, сажает в августейшую особу четыре пули из американского револьвера. Он и сам американец итальянского происхождения. Гаэтано Бреши, ткач из Питсбурга, активист анархистского движения. Долго копил деньги на билет в Европу, приехал покарать «палача». Потом на суде скажет: «Я стрелял не в человека по имени Умберто, а в принцип».

В Италии нет смертной казни, поэтому убийца получит пожизненное заключение, но от петли это его не спасет. Очень скоро его найдут повешенным в камере – якобы покончил с собой.

М-да... Что там у нас дальше?

Комната ужаса. 1903

Июньский рассвет. Маленькое темное помещение без окон. Из-за стены доносятся одиночные выстрелы, грохот мебели, грубые голоса: «Где они? Они не могли далеко уйти! Постель еще теплая!»

Полуодетая королева Драга дрожит и молится о чудесном избавлении. Король Александр прижимает супругу к себе, потом в сотый раз наваливается всем телом на спасительную дверцу, но та не поддается. Не может быть, чтобы рано или поздно не подоспела подмога! Ведь это центр Белграда, королевский дворец! Остались же в столице какие-нибудь части, верные престолу!

Ужас сменяется надеждой, надежда ужасом, и продолжается это довольно долго.

Драга не августейших кровей, всего лишь бывшая фрейлина матери-королевы, вдова простого инженера, к тому же она на пятнадцать лет старше мужа и не сможет дать стране наследника. В сущности, королевский брак – не только эгоистическая блажь капризного венценосца, но и трогательная история большой любви, не останавливающейся ни перед какими препятствиями. Всё зависит от того, как на это посмотреть. Но Сербия взирает на коронованную чету с негодованием. «Молодой идиот» и «старая развратница» крайне непопулярны.

От Александра отвернулась собственная мать. Отец, в свое время добровольно передавший ему престол, тоже возмущен.

Любопытно, что, в отличие от двух предшествующих случаев режиссуры, здесь были предприняты довольно серьезные усилия по охране главы государства. Александру известно, что молодое офицерство недоволено и что в армии зреет заговор. Поэтому дверь в опочивальню прочна и чуть ли даже не бронирована (все-таки на дворе двадцатый век), телохранители надежны, в спальне имеется тайный ход в убежище, откуда можно уйти через запасную дверцу.

Но заговорщиков слишком много, и на выручку никто не придет, потому что это, строго говоря, не покушение, а самый настоящий военный переворот. В подобной ситуации обычных мер безопасности недостаточно.

Телохранители один за другим пали в перестрелке. Глава заговорщиков капитан Димитриевич (тот самый, что потом возглавит сербскую тайную полицию и создаст организацию «Черная рука», которая убьет эрцгерцога) получил три пули, убиты некоторые его сообщники, но в конце концов сопротивление защитников сломлено.

Двери в опочивальню взорваны динамитом.

Не обошлось и без рокового стечения обстоятельств. Король с королевой ретировались в секретную комнату, но выйти с другой стороны не смогли – слуги, не осведомленные о тайне, заставили выход громоздкой мебелью.

В конце концов один из королевских приближенных выдал убежище. Чудесного избавления не будет.

Со славянской привычкой к чрезмерности королевскую чету продырявили выстрелами, изрубили саблями, чуть ли не выпотрошили, а потом еще выкинули изуродованные трупы в окно на кучу навоза. Хорошо, должно быть, в Сербии королевский дворец, если там под окнами королевской опочивальни сваливают навоз. Впрочем, возможно, эту деталь придумали журналисты, с них станется.

В этой жуткой славянской истории Зеппа порадовала участь цареубийц. Все, кто не погиб при штурме, остались живы и достигли высоких чинов. Полковник Димитриевич до сих пор на службе, хоть австрийская разведка и доносит, что

период его всемогущества закончился.

Следующая, кажется, Португалия?

Лиссабон. 1908

Королевское семейство: толстяк Карлуш Первый, его дородная супруга и сыновья-принцы возвращаются в столицу из загородной резиденции.

Сценография схожа с итальянской: открытый экипаж, густая толпа на площади Террейру-ду-Пасу. И охрана точно такая же – несколько павлинов с плюмажами на шляпах бессмысленно едут впереди кортежа, а королевские телохранители скромненько держатся сзади, где от них никакого проку.

Холодный февральский день. Все одеты тепло – и августейшая фамилия, и публика. Среди зевак двое революционеров, которые мечтают избавить страну от королевского дома Браганца и сделать Португалию республикой. Террористы тоже в длинных пальто, под которыми так легко спрятать любое оружие. Один из них – бывший унтер-офицер и отличный стрелок.

Во все времена, даже при идеальной охране, очень трудно уберечься от людей, хорошо владеющих оружием и готовых пожертвовать собственной жизнью. Карлуш даже не успел понять, что произошло. Первая же выпущенная пуля перебила ему шейные позвонки. Но убийцы, вытащив карабины из-под пальто, не прекратили огня, пока не опустошили магазины. После этого обоих уложили на месте, да что проку? Пал не только король, но и наследный принц, вынужденный (позор охране!) отстреливаться из собственного револьвера. Какой-то Дикий Запад!

Еще остается Греция.

Салоники. 1913

Заканчивается Первая балканская война. Король эллинов Георг гуляет по отбитым у турок Салоникам. Осмотрел знаменитую Белую башню, главную достопримечательность македонского города, свернул в узкие улочки.

Поразительная беспечность для монарха воюющей страны! Практически никакой охраны, лишь несколько человек свиты.

Впрочем, Георг прав, что не боится вражеских агентов. Удар ему нанесет не турок и не македонец, а собственный подданный, грек.

Долговязый монарх останавливается поболтать с владельцем уличного ресторанчика. Старый король – иностранец, датчанин, ему нужно продемонстрировать близость к народу. Длинные тараканьи усищи шевелятся – его величество изволил сказать шутку.

Бедно одетый человек в шляпе с обвислыми полями преспокойно подходит сзади и с расстояния в несколько шагов посылает две пули. Одну – прямо в сердце.

Тут опять сходство с убийством Умберто Доброго. Как и короля итальянцев, Георга Греческого застрелил анархист, успевший пожить в США и вернувшийся на родину, чтобы расправиться с монархом. Похож и финал. По официальной версии, злодей во время допроса выбросился из окна и разбился насмерть. На самом деле, как в свое время сообщала резидентура, террориста выкинули уже мертвым, чтобы замаскировать следы пыток.

Вот вся новейшая история успешных цареубийств: пять прецедентов.

Но был и шестой

Телефонный разговор закончился. Все сели: генерал Ус первый, генерал Монокль второй, последним майор. Помолчали, как бы отдавая дань почтительности невидимому собеседнику. Потом заместитель продолжил, словно никакого перерыва не было:

– ... За последние двадцать лет правящих монархов отправляли на тот свет несколько раз, но для нас представляет интерес только один из этих инцидентов, поскольку он был организован иностранной разведкой.

Зепп слегка удивился: который же это? Ах да, про Драгутина Дмитриевича писали в газетах, будто он платный агент русских. Но разве это была не часть пропагандистской кампании по подготовке войны?

Однако генерал имел в виду не сербскую историю.

– Я про убийство корейской королевы Мин, осуществленное вашими любимыми японцами в 1895 году.

«Это нечестно, вы говорили про двадцать лет, а тут прошло больше!» – чуть не воскликнул Теофельс, по-детски раздосадованный тем, что зря напрягал память. Генерал, конечно, не имел в виду календарной точности. Черт, что там было с корейской королевой?

Монокль напомнил сам:

– Королева Мин была за сближение с Россией и против японского засилия. Однажды в октябре, на рассвете, во дворец ворвались люди с самурайскими мечами – ох уж эта японская любовь к старине – и зарубили тех придворных дам, кто был похож на королеву. Членов правящего дома в Корее не фотографировали, поэтому убийцы располагали только описанием внешности. Женщин, имевших несчастье походить на королеву, оказалось трое. Обстоятельные исполнители выволокли наружу три трупа, предъявив их для опознания начальнику. Тот показал, которая из покойниц королева, после чего убийцы все с той же поразительной неспешностью сожгли тело, развеяли пепел и лишь после этого спокойно удалились. История чудесная, с восточным колоритом, но я рассказываю ее вам только затем, чтобы предупредить: в вашем случае ничего подобного не будет.

– Да уж, – улыбнулся Зепп. – Дворцовая полиция полковника Назимова вряд ли станет ждать, пока я выполню погребальный ритуал. И вообще, азиаты могут творить у себя всё, что угодно, но каковы будут последствия такой... акции, если устроить ее в Европе?

– Вот именно. – Генералы посмотрели один на другого, покачали головами. Монокль понизил голос – не для секретности (кто тут будет подслушивать?), а для вящей значительности. – Главная трудность не в технической стороне дела. Подумаешь – убийство. Мы же не террористы-одиночки, у нас вариантов и возможностей сколько угодно. Но мир не должен знать, что русского императора ликвидировали мы. Иначе на нас ополчится весь свет.

Главный начальник жестом показал, что дальше будет говорить он:

– Мы сейчас оказываем вам, Теофельс, высочайшее доверие, зная вас как отличного специалиста и настоящего патриота Германии.

Вскинув подбородок и расправив плечи, Зепп принял позу, соответствующую званию настоящего патриота. Было ужасно любопытно, к чему клонит старик.

– Он... – Выразительный взгляд из-под кустистых бровей на телефон с вензелом. – Он об этом ничего не знает. И не узнает. Никогда. Все-таки речь идет о близком родственнике, тоже помазаннике Божьем. Фактически мы предлагаем вам стать участником заговора, созданного хоть и в интересах нашего обожаемого монарха, но без его ведома. Это означает, во-первых... Ну, теперь можете вы, генерал.

Сказав главное, Ус будто потерял интерес и к разговору, и к майору.

– Это, во-первых, означает, что, выполнив задание, вы не получите никакой награды, – изобразил сожаление Монокль. – Ни ордена, ни повышения в чине.

– Экселенц, я служу не ради наград.

– Знаю, знаю. Потому мы и остановились на вашей кандидатуре. Во-вторых, гибель царя должна выглядеть, как несчастный случай. В крайнем случае как теракт, устроенный туземными революционерами-тираноборцами. Поэтому группа, с которой вы будете работать, довольно специфична. Состав тщательно продуман. Пожалуйста ко мне в кабинет, я покажу вам все досье. Не будем больше занимать время его превосходительства.

«Меня даже не спрашивают, согласен ли я, – подумал Зепп, поднимаясь и салютуя Усу. – Это, пожалуй, наивысший комплимент. Дороже любого ордена».

Болонка первого класса

Той же ночью, ближе к рассвету

Начальник контрразведочного управления Петроградского военного округа так привык напрягать красные, слипающиеся от вечного недосыпания веки, что сделался похож на круглоглазого лемура, а голос от непрерывного курения с кофепитием стал сиплый, будто испитой, хотя вино князь Козловский позабыл, когда и пил – не до того было.

Место, на котором подполковник трудился уже третий месяц, было видное. Видное, да не завидное. И вся карьера Лавра Константиновича была такая же: его вечно назначали на ответственные должности – то есть на такие, где чуть что требуют к ответу, но поощрений при этом не дождешься. Верный признак хорошего офицера, которого начальство ценит, но не любит, это скудное количество наград и быстрое продвижение по должностной лестнице, сильно опережающее производство в чин. Бывшие однополчане Козловского, кто на третий год войны был еще жив, все уже выскочили в полковники, а один в тридцать семь лет обзавелся лампасами. Время для военной карьеры было золотое, за убылью личного состава вакансии открывались с фантастической быстротой. Один, стало быть, уже получил бригаду, шестеро – полк. Эх, милое дело полком командовать. Живешь с офицерами и солдатами одной семьей, сам себе голова, каждый день решаешь простые и ясные задачи, неважно строевые или боевые. Трудно ли навести порядок в полковом хозяйстве? Пара тысяч дисциплинированных людей, десять или двадцать километров фронта...

Не то Питер с прилегающими губерниями. Содом и Гоморра, Авгиева конюшня!

Добро б дело было только в прямых вражеских разведчиках! Столица кишела дельцами, которые торговали чем придется, в том числе и секретной

информацией, если она попадала к ним в руки. Воры-поставщики и казнокрады-чиновники становились легкой добычей шпионов-шантажистов. А еще от военной усталости расплодилось множество пацифистов, сторонников мира любой ценой, и поди разбери, кто из них желает остановить кровопролитие из страха за отчизну, а кто германский агент влияния. В городе 160 тысяч солдат запасных батальонов, у серой скотинки одна мечта – любой ценой задержаться в тылу и не попасть на фронт. Среди этой массы потенциальных бунтовщиков (между прочим, вооруженных) снуют агитаторы-большевики, которым хочется, чтобы империалистическая война переросла в мировую революцию, а для этого нужно, чтобы Россия потерпела поражение. И если борьба с революционной пропагандой – головная боль Охранного отделения, то подрывная деятельность в пользу врага – это уже забота контрразведки. Не будем забывать и про 400 тысяч питерских рабочих. По какому ведомству прикажете числить забастовку, устроенную на оборонном заводе во время исполнения сверхсрочного и архисекретного заказа? Что это – пролетарская солидарность или германские козни?

Вот какими головоломными докуками была занята голова Алешиного начальника. Срочный вызов в кабинет к Козловскому обычно означал, что какую-то из своих муторных проблем подполковник хочет свалить на плечи товарища, тоже, между прочим, много чем обремененные.

Поэтому поручик переступил порог насквозь прокуренной комнаты не без опаски и сразу, разгоняя ладонью сизый дым, сварливо сказал:

– Лавр, ну какого беса? Ты же знаешь, я колдую над реактивами.

Глаза чуть не заслезились от крепкого солдатского самосада, которым в последнее время увлекался князь, но приспособились к ограниченной видимости, и Алексей обнаружил, что обращается к пустому стулу.

Подполковник сидел не за письменным столом, а на диване, в удивительно расслабленной позе, нога на ногу, и пил чай с лимоном. Еще оказалось, что Козловский не один. Рядом с ним, тоже со стаканом, сидел ровно, будто палку проглотил, невысокий военный с вензелем на погонах – флигель-адъютант, полковник, весь с иголочки.

– Виноват. – Романов вытянулся. – Поручик Романов по вашему приказанию...

– Брось, Лёш, – перебил Козловский. – Это свой, можешь без официальностей. – И полковнику, который внимательно смотрел на вошедшего, поглаживая небольшую бородку: – Вот он. Тот, кто тебе нужен. Прошел огонь, воду и серную кислоту. – Повернулся к Алексею. – Это мой старый товарищ по полку, Жорж, то есть Георгий, как тебя, Александрович?

– Ардалионович, – тихо сказал незнакомец, попрежнему изучая поручика.

– Георгий Ардалионович Назимов. Тот самый.

Уточнение, произнесенное особенным тоном, несомненно означало, что князя навестил тот самый полковник Назимов, который с недавних пор возглавляет дворцовую полицию и личную охрану государя императора.

– Сидим вот с Жоржем и, как две хворые бабы, на болячки жалуемся.

Представить себе Козловского жалующимся на здоровье было невозможно, и Алексей понял, что сетуют бывшие однополчане друг другу на тяготы службы. От Назимова, в некотором роде коллеги, начальнику контрразведки можно было не таиться.

– Вы начальник дворцовой полиции? – всё же спросил Романов, отвечая на пожатие маленькой, но сильной ладони.

– Да, на мне лежит высокая ответственность – обеспечивать безопасность его величества. Это раньше мы были дворцовая полиция. – Сдержанная улыбка тронула малоподвижное лицо Назимова. – Теперь государь живет в поезде, поэтому правильней сказать «поездная полиция».

– Садись, Алеша, не торчи. – Князь кивнул на кресло. – Чайку вон себе налей. А ты, Жорж, переходи сразу к делу. Романов на лету схватывает.

Про полковника Назимова даже в профессиональных кругах мало что знали. От своих предшественников он отличался незаметностью, вечно держался в тени, влиять ни на политику, ни на придворную жизнь не пытался.

Если судить по внешности и манере держаться, человек это был серьезный и на свое место попал не по протекции, но, согласно Алешиной таблицы о рангах, всё равно принадлежал к породе «болонок», пускай и первого класса. Что за работа у царских телохранителей? Глядеть в оба и вгрызаться в штанину каждому, кто приблизится к августейшей особе без разрешения. Еще, наверное, нужно уметь ходить на задних лапках и иметь хорошо расчесанную шерстку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Синяя Борода (фр.).

Купить: <https://telnovel.com/boris-akunin/nichego-svyatogo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)